Наталья Шатрова

Жили-были, не тужили...

Рассказы

Наталья Шатрова

Жили-были, не тужили… Рассказы

«Издательские решения»

Шатрова Н.

Жили-были, не тужили… Рассказы / Н. Шатрова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931212-9

Небольшие рассказы о жизни, о семейных отношениях, о любви, в общем-то, бывших счастливыми людей. О взаимном понимании и, главное — о внимании друг к другу.

ISBN 978-5-44-931212-9

© Шатрова Н.
© Издательские решения

Содержание

ЖИЛИ-БЫЛИ НЕ ТУЖИЛИ… 6
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Жили-были, не тужили… Рассказы

Наталья Шатрова

© Наталья Шатрова, 2018

ISBN 978-5-4493-1212-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЖИЛИ-БЫЛИ НЕ ТУЖИЛИ…

Как хорошо, что некого винить,
Как хорошо, что ты никем не связан,
Как хорошо, что до смерти любить
Тебя никто на свете не обязан.
Иосиф Бродский

Полина сидела у стола, подперев голову руками, а по щекам её сбегали крупные слёзы. Смахивая их ладошкой, она заодно прогоняла от лица надоедливую муху.

– Ещё ты привязалась, – Полина тяжело вздохнула. – Вот так история. И как теперь дальше?

Над головой размеренно тикали часы, а во дворе надрывно звала корова Майка: пора доить. Корову подарили им родители в складчину на свадьбу. Полина встала и шумно задвинула тяжёлую табуретку под стол. Этот стол и четыре табуретки с гнутыми ножками и затейливой резьбой сделал её муж Мишка в своей мастерской во дворе. Да и не только домой сделал, сельчане приходили иногда к нему и заказывали такую работу. Брал он недорого: чисто – за доски, и маленько за работу. И он при деле, и копейка в дом не лишняя.

– Поль, – раздался вдруг робкий Варькин голос из сеней. – Ты дома?

– Варя, шла бы ты из ограды моей. Не доводи до греха.

– Поль… Ну, куда мне теперь? Под землю провалиться? Или петлю на шею?

– Дура. Не о себе теперь думай, дитё береги, – Полина вышла на крыльцо. – Иди домой, Варька. И чтобы ноги твоей у меня больше не было. Всё.

Полина взяла с забора подойник, оставленный там на просушку, и пошла в летнюю загородку к Майке. Повернув корову поудобнее, она села на низкий стульчик. Помытая и поглаженная по брюху Майка расслабилась и хлестанула хозяйку тяжёлым хвостом. То ли мух отгоняла, то ли в благодарность.

– Майка… Ты ещё тут хлещешь. Чуть глаза не выбила. Стой, давай.

Прищурив глаза, довольная Майка жевала свою нескончаемую жвачку. Тугие струи молока с шумом забили по дну подойника. И чем больше молока набиралось в него, тем тише становились струи. Сидя у коровы под брюхом, Полина задумчиво прокручивала в голове всю свою короткую жизнь. Все свои двадцать три годика…

С Варькой они дружили, если можно так сказать, как только родились. Их мамки работали вместе в маленькой деревенской пекарне и дружили семьями. Полина родилась чуть раньше, а месяца через четыре появилась Варя. Они вместе ходили в детский сад, а потом и в школу. И, что удивительно, они никогда не ссорились. Доверяя свои девичьи тайны, они обе знали, что никто, никогда, ни о чём не узнает. И чем старше они становились, тем сильнее была их дружба.

Окончив школу, они вместе поступили в медицинское училище в ближайшем маленьком городке. Из самых престижных учебных заведений в том городке были медицинское и педагогическое. Получив дипломы, обе вернулись в своё село и стали работать медсёстрами в деревенской больнице. Варя вела детский приём, заменив ушедшую на пенсию старенькую Марию Фёдоровну, а Полина ставила больным уколы и капельницы в процедурном кабинете и забирала кровь на анализы.

И как-то зимой, в разгар поголовной заболеваемости гуляющим вирусом, к ней в кабинет ввалил Мишка.

– Вот, – протянул он Полине направление, – врач уколы прописал. Лихорадит меня, температура высокая. Уже неделю болею.

– Так, что же ты пришёл? Мог бы и на дом вызвать.

– Я чё, дитё малое? Сам дойду. Коли, давай, – Мишка лёг на кушетку, предварительно откровенно оголив свой зад. – Мне это… Врач сказала два раза колоть. Можно я домой к тебе вечером ходить буду?

– Приходи. Помогу твоему горю.

– Да на работе, блин… Трактор сломался, я залез его ремонтировать, а там пол бетонный, холодный. Вот и схватил.

– Надо было стелить что-нибудь на пол.

– Всё уже, застудился. Хоть бы там всё в порядке было. А то, как я? И так никому не нужен, – Мишка гыкнул в кулак. – Полин, может ты меня заберёшь? Я хороший.

Полина и раньше знала Мишку, ещё по подростковым годам, он учился года на три раньше их с Варей. Только не помнила она, как появилась их семья в деревне: они были приезжими. Мишка слыл по деревне ушлым баламутом, без него не обходилась ни одна драка или гулянка. Половина деревни собиралась у забора посмотреть, как лихо отплясывает Мишка очередную свадьбу или проводы в армию. А однажды Мишке расхлестали в драке губу и выбили от середины третий зуб внизу. Сплюнув кровавое месиво на снег, Мишка полез в самую серёдку и шибко отомстил кому-то за этот потерянный зуб. Тому отомстил, или не тому – было уже не важно. Говорят, что дома, посмотрев на сияющую дыру во рту, он довольно усмехнулся и сказал:

– Так даже красивше. Солиднее даже.

Местные девчонки заглядывались на Мишку, но по причине его буйной натуры сделали вывод: замуж не напасть – как бы замужем не пропасть.

Были у Мишки и другие заскоки: бывало, идёт по селу, а у дома на лавочке бабка сидит. И он ей:

– Бабка Аксинья, тебе грядки под морковку вскопали?

– Да, нет, Мишка. Жду детей с городу, а оне всё не едуть. Так и земля напрочь высохнеть, пока оне приташшутся.

– Пошли, показывай. Щас я тебе мигом всё перепашу.

И Мишка терпеливо перелопачивал бабкин огород до тех пор, пока спина не упрётся в забор. Зачерпнув воды из стоявшей в огороде бочки, бабка услужливо поливала ему на руки из старого и местами дырявого ковшика. Мишка смывал обильно выступивший пот с лица и шеи и, отфыркиваясь, вытирал себя потрёпанным чистым полотенцем.

– Вот спасибо тебе, Мишка. И дай Бог тебе здоровья. Можа денег возьмёшь, али поллитру?

– Деньги у меня есть, и поллитру не надо. Пью я, бабка Асксинья, тока по праздникам.

– Ну, тада дай Бог тебе жену хорошу. А чё ты не женился-то ишшо? С армии – годков пять как возвернулся. Забегался уже в женихах.

– Вот как хорошую найду, так обязательно женюсь.

– Ну, да… Ну, да… Огород таперичь готовый. А посадить я соседку Таньку попрошу. Она не откажеть.

До армии Мишка успел выучиться на тракториста и немного даже поработал в местном лесхозе. Заруливал он на своём бульдозере лихо, расчищая деревенские дороги от обильно выпавшего снега. Местные деды кричали ему вдогон, что он переломает к чёртовой матери казённое имущество в виде этого трактора, если будет так реветь на нём. Ухмыляясь, Мишка вылезал из кабины и, здороваясь с мужиками за руку, смеялся:

– Сам сломаю, сам и сделаю. Зовите весной огороды пахать.

Из армии Мишка вернулся танкистом. Дури маленько поубавилось, но лихость осталась прежняя. К тому же – прибавилось некоторое безобидное нахальство.

– Ну, а как же! Танкист, твою в зёрнушко, – так говорил ему дед Семён, фронтовик с медалями, и тоже танкист.

Мишка, в общем-то, был видный парень: светловолосый, с густым слегка торчащим на макушке коротким чубом, с крепкими натруженными руками. Не сказать, что косая сажень в плечах, но и не хлюпик: сгребёт – и хрустнешь косточками. Слухи ходили, что ночевал порой Мишка у деревенских женщин-одиночек, а по раннему утру уходил огородами домой. Разве спрячешься от вездесущих и мающихся бессонницей бабок.

Вот так и познакомилась с ним поближе Полина, по его страшно температурной болезни. По деревне, конечно, зашушукались, что ходит Мишка к Полинке вечерами. И её доводы о том, что она лечит Мишку уколами, вызывали у баб ехидную усмешку.

– Валька, – шептали они Полининой матери, – доходится он до Полинки. Смотри, как бы зятем не стал.

– Ну и станет, так что с того? Плохой парень, что ли? А что дурь ещё играет, так быстро обтешется об семейную жизнь.

– Так он вон по бабам каждую ночь носится. Люди же говорят.

– А ты сама видала? – защищала мать дочкину репутацию. – Не видала, так нечего плести.

– Да пошто ты в защиту-то? Бабник – он и есть бабник.

– А хоть бы и бегает. Он, чё, не мужик что ли? Здоровый, крепкий, вот и бегает. А ты за своим смотри. Или забыла, как твой к Ленке бегал, когда ты Сашку своего рожала. Напился за сына и поскакал как… Господи, прости. Женатый был. А этот пока ещё холостой.

Вылечила Полина Мишку в ту зиму: кашель долго держался, и порой думали, что воспаление лёгких начнётся. Обошлось.

Вскоре, Мишка стал забегать к Полине на работу. В основном – к вечеру. Зайдёт в кабинет, сядет на кушетку и смотрит. Улыбаясь, Полина готовила кабинет к следующему рабочему дню: протирала медицинские столики специальным раствором, складывала инструменты на обработку.

– Ты хоть бы мне витамины, какие поколола. Говорят, что по весне витаминов в теле не хватает.

– Иди к врачу. Она направит на анализы, и если нужно будет, то выпишет направление. Тогда и поколю, – Полина улыбнулась ему.

– Полин, а ты мне нравишься.

– Говорят, что многие тебе нравятся.

– Лишнее говорят. Не столько было, сколько брешут.

– Ну, уж… Прямо пушистый весь такой.

– Ну и не ёжик колючий. Полин, а чё от меня девки шарахаются? Жениться вон никак не могу. Неужели страшный такой?

– Да, нет, не страшный. Симпатичный даже. А шарахаются, потому что проблемы с тобой в семье будут. Ты же неспокойный, дерёшься, да ещё и бегунок вон какой. Кто же тебя терпеть-то будет?

– А ты бы пошла за меня? Семью хочу, детей. Троих, двух пацанов и девчонку.

– Размечтался, – Полина сняла халат и шапочку. – Иди домой, жених. А я посмотрю, понаблюдаю, какой ты хороший. Тогда и решу – пойти мне за тебя или нет.

С того разговора Мишка ходил тихий и послушный. На шутки неуёмных деревенских баб по причине его тоски по Полине, отвечал:

– Вот женюсь на Полинке, тогда попляшете у меня.

И к маю Полинка сдалась, уж больно Мишка был настойчивым и послушным.

А летом и вовсе наступила полная для них свобода. Простор – во все стороны! Мишка возил её на стареньком мотоцикле в дальние овраги за марьиными кореньями: это цветы такие, тёмно-бордовые, крупные, похожие на садовые пионы. Собрав букет, они возвращались в село. Ухватив охапку набранных цветов одной рукой, Полина держалась за Мишку другой. Мишка на мотоцикле ехал осторожно, не так как на своём тракторе. Он бережно притормаживал на кочках и ямах, пытаясь объехать их как можно мягче. Прижав голову к его плечу, Полина чувствовала как бешено колотится в груди его сердце и улыбалась.

Они с Мишкой ездили в дальние берёзовые колки за вениками, и пока он нарезал ветки, она рвала листья лесной смородины на чай и заодно проверяла клубничные поляны – нальётся ли в это лето ягода. А Мишка готовил теперь веники на две семьи: на свою и для будущих тёщи с тестем. В этом он был уверен. Нарезав побольше веток, они садились в густую траву под берёзы и вязали крепкие увесистые веники. Полуденная жара загоняла вглубь леса надоедливых комаров, и только мелкие мошки нудно лезли им в глаза. Отгоняя их от лица, Полина тайком посматривала на Мишку, на его руки, умело складывающие крепко перевязанные в пары готовые веники. А ведь и правда, здорово у него получается, ловко и аккуратно.

– Не поглядывай, Полинка, всё я умею делать, ко всему батей приучен. И давай уже… К осени денег подкоплю и сходиться будем. Хватит деревню смешить, ходим с тобой как малолетки сопливые.

– Мама говорит, что заберут бабушку к себе, а мы в её домик пойдём.

– Вот и хорошо. Купим лес и пристроим ещё пару комнат к домику.

– Там уютно, двор хороший, огород, два колодца. Один возле дома, а второй в конце огорода. Только он старый, его править надо. В нём вода вкусная.

– И колодец поправим. Всё у нас будет хорошо, Полина, – Мишка окинул взглядом поляну. – Красота вокруг, запах цветочный. Вот тут бы поставить дом, и жить потихоньку. Съездил в деревню за хлебом и опять живи. Хотя, хлеб можно и свой печь.

– Сказал тоже. Что мы, дикари какие-то в лесу жить. Возле людей надо.

Не дождались они той осени, доездились на том мотоцикле. Доигрались. Уж больно ласковым был Мишка на тех цветочных полянах. До тех пор был ласковым, что сердце у неё заходилось и голова кружилась. То ли от цветочного запаха, то ли от Мишки. И вскоре Полина обнаружила, что ждёт ребёнка. Мишке она сразу ничего не сказала, постеснялась. Да и планы Мишкины не хотела портить: он копил деньги на свадьбу, да на нужные в дому вещи. А что до разговоров деревенских, так и тьфу на них. То их с Мишкой ребёнок, и никто им не указ, когда рожать. На том и решила, что скажет ему месяца через два.

А через два месяца они с Мишкой разругались в пух и прах. Кто-то из деревенских баб растрепал по деревне, что по потёмкам видели Мишку во дворе у Любки – одиночки. Измученная тошнотой Полина не пустила Мишку на крыльцо и, указав ему на калитку, заявила:

– Закрой, и забудь, как она открывается.

Растерянный Мишка клялся и божился, что это грязный наговор, что он в тот день с батей до потёмок косил сено, а вечером натопили баню, помылись, и он с устатку завалился спать.

– Полин… Ну, спроси ты у бати. И зачем мне та Любка, если есть ты?

– Ещё разборок мне не хватало. Ты ещё скажи, чтобы я к Любке сбегала и у неё спросила.

– Да неправда это! Зачем ты вот так с плеча? – Мишка в сердцах расстегнул пуговицу на рубашке. – Полин… Нам же хорошо было. Не гони, я сдохну без тебя.

– Кобель. Не зря бабы говорили, чтобы не связывалась с тобой. Иди! К Любке!

– Мы же после бани ещё с дедом Семёном на улице посидели, покурили. Он подтвердит.

– Ну, да. А после деда Семёна к Любке ускакал, усталость смахнуть. Всё. Иди.

– Не веришь? Ну, ладно! – Мишка так хлестанул калиткой, что содрогнулся весь забор.

Полина опустилась на скамейку у стены дома и разревелась. Что теперь матери говорить? Что с ребёнком делать?

Вечерело. Над ней противно звенели комары, кусая за плечи, она отгоняла их рукой и не могла сдвинуться с места от навалившегося на неё безразличия. Рядом на скамейку присела мама, вернувшаяся с огорода.

– Разругались? – и не дождавшись ответа мать продолжила: – Сама знаешь, деревня. Наговорят такого, что сроду не было. А может и правду бабы говорили, может не надо было с ним связываться.

– Ладно, мам. Так уж получилось. Горбатого могила исправит.

– Чё брешешь-то? Дурная. Ты как хочешь, а я Мишке верю. Такие мужики набегаются вволю, а потом всю жизнь с жены пылинки сдуют.

– Вот и пусть с Любки сдувает. А я пока не запылилась.

Полина говорила с матерью, а сама думала о другом, о ребёнке. В голове её металась мысль об избавлении: уехать подальше, сделать, и вернуться домой свободной. И в то же время её точила нестерпимая жалость к этой зародившейся в ней жизни.

Только тайна её оказалась недолгой. После пары недель после той ругани, мать застала Полину за углом дома, где её выворачивало наизнанку от подступившей вновь тошноты.

– Ясно. Что же ты мне-то не сказала? Что думаешь делать теперь?

– А, ничего. Уеду к знакомой по училищу в городок, сделаю тихонько и вернусь.

– Ну-ну… Давай, если великая надобность есть. Наслушалась? Поверила? А дитё теперь ответ держи за ваши игрушки.

– Мам, ты только Мишке не говори. Не хочу, чтобы он знал.

Ну, да… Какая мать успокоится при таких вот делах? Дождавшись, когда Полина уйдёт на работу, мать решительно пошла до лесхоза. Перемазанный мазутом Мишка копался в моторе своего трактора. С удивлением, и с промелькнувшей в глазах надеждой, он глянул на подошедшую Полинкину мать.

– Здоров был, Михаил Палыч. Как живёшь? Ничего не тревожит?

– Да живой пока, тёть Валь. Тревожит, но то моя печаль, для вас незаметная.

– А для меня вот кой-чё заметно стало. Полинку-то вон, по углам от тошноты выворачивает. Побледнела, осунулась.

– Да ты чё, тёть Валь? – Мишка в растерянности начал вытирать мазутные руки ветошью. – Я щас… Ток харю умою. И всё.

– Что всё-то? Твоя работа?

– Моя. Не отрекаюсь, – Мишка вытер проступивший на лбу пот.

– Твоя, конечно. Тут даже спрашивать не надо, – мать прищурилась и подошла поближе. – Миш, она ведь, дура, в городок собралась, дитё выкидывать. Ну, как так-то? Живое же.

– Я щас, тёть Валь. Щас только механику скажу… Щас пойду. Спасибо, что сказала. Я ей выкину! – Мишка вытащил из кабины бутылку с водой. – Полей-ка, мать, мне на руки. Умоюсь и пойду.

Полина безучастно смотрела в окно. Время словно замерло для неё, в голове крутилась только одна назойливая мысль: уехать совсем из деревни, устроиться где-нибудь в далёком городе и родить эту живущую в ней жизнь. Она посмотрела на капельницу, поставленную бабке Анне, та маялась высоким давлением и наотрез отказалась ехать в районную больницу в стационар. Мишка вошёл в кабинет резко и внезапно, она даже вздрогнула, увидев его.

– Снимай халат и пошли.

– Куда? У меня капельница стоит.

– Отключат твою капельницу, – Мишка выглянул из двери и рявкнул в пустоту коридора. – Есть тут кто живой? Варька, отключишь тут бабке провода. Пошли!

Варька вышла из своего кабинета и с грустью посмотрела на удаляющихся в сторону выхода Мишку и Полину. Полина не сопротивлялась. Крепко ухваченная Мишкой за руку, она покорно шла рядом. Взяв паспорта, они съездили на всё том же мотоцикле в район, где подали заявление в ЗАГС.

Свадьбу отыграли на широкой ограде Мишкиного родительского дома, сделав навес над столами из собранных по соседям палаток. Вся деревня знала последствия Мишкиной и Полькиной любви, и желающих отпраздновать их день получилось много. Довольный Мишка лихо отплясывал свою долгожданную радость под гармошку пьяного гармониста. Долговязый и худой дружок Васька как мог помогал ему на кругу. Подняв руки вверх, Васька беспорядочно махал ими в разные стороны, словно это была не Мишкина радость, а его. И не важно – в такт гармошке или нет. Хоть как, лишь бы плясать. Подруга Варя сидела рядом с Полиной с хмурым лицом и поглядывала на Мишку злыми глазами.

– Варь, почему ты на Мишку так смотришь? – обеспокоилась Полина.

– Потому что подруги у меня теперь нет, забрал ее Мишка.

– Да, ну… Мы с тобой с детства вместе. Кто нас может разлучить?

После свадьбы родители Полины сразу забрали бабушку к себе, а им освободили её небольшой и уютный домик. В подсобном помещении возле сарая, бывшим когда-то мастерской её почившего лет десять назад деда, Мишка обустроил свою. Он разгрёб скопившийся ненужный хлам, вместо одряхлевших настилов и столов сделал новые, развесил по стенам инструмент. В этой мастерской он и сделал впервые тот резной стол и табуретки с изогнутыми ножками. Полина, отдыхая от домашних дел, зачастую сидела возле него на лавке и, подперев щеку ладошкой, наблюдала за работой. Наблюдала и думала: «Всё-таки хороший он у неё, работящий и мастеровой».

Теперь они с Варькой жили встык огородами: пройди по тропинке, перейди небольшую зелёную лужайку между огородами, и ты у подруги. У всех соседей огороды были с одним разделяющим забором, а у них, почему-то, каждый своим. Между ними и образовалась эта самая лужайка, шириной не больше трёх-четырёх метров. Заросшая травой-муравой, она виднелась издали небольшим зелёным островком между двумя огородами. Возле калитки на краю огорода стоял старенький колодец. Деду не под силу было заниматься тем колодцем, и стоял он теперь слегка заброшенным. Мишка с Васькой откачали из него воду, очистили дно от ила, заменили столб и жердь на журавле, и повесили новенькое ведро. Вода в том колодце и впрямь была вкусной, совсем не такая, как в ближнем к дому. Постепенно их быт с Мишкой устроился.

А зимой, ближе к Новому году, вдруг обнаружилось, что её подруга Варька тоже ждёт ребёнка. Округлившийся животик не удавалось больше спрятать в складках больничного халата. Располневшая и уходившая вскоре в декрет Полина спросила Варьку однажды:

– Варь, ты же одна. Где ребёнка-то взяла?

– А зачем тебе, подруга, знать?

– Мы всегда с тобой делились тайнами, и всё оставалось между нами.

– Так я же не спрашивала, где и как вы с Мишкой нашли своего. Это тайна двоих.

– Ну, как хочешь, – Полина с укором взглянула на Варьку. – Как-то зло ты мне ответила.

– Всё хорошо, Полина. Помнишь, как летом с моим братом приезжал Серёга на каникулы? Они учатся вместе в институте. Его это ребёнок. Пусть учится, не хочу ему мешать.

– Варь… Что деревня-то скажет? Языков длинных много, перемелют кости.

– А мне всё-равно, пусть брешут. Ребёнок мой, мне за него не стыдно.

К середине марта у Полины с Мишкой родился сын Егорка: крепкий, сбитый, красношёкий и белоголовый. В отца. А к концу мая родился сын и у Вари. Проведая вернувшуюся из больницы подругу, Полина с удивлением спросила:

– Варь, а тот Серёга вроде бы светлый был? Сама-то ты тёмная, а сын беленький.

– Серёга светлый был. Игорем хочу назвать. Да зову уже.

– Хорошее имя. Игорь Сергеевич. Подходит, звучит.

– Да. Я тоже так думаю.

– Смотрю на твоего и кажется, что он чем-то на Егорку нашего похож. Только у твоего нос крупнее и губки.

– Да прям. Твой уже подрос, а мой ещё свеженький, припухший немного.

По приезду Варьки с сыном из больницы, Полина стала замечать некоторую странность в поведении Мишки. Озабоченность и беспокойство видны были даже в его походке. Мишка подолгу застревал вечерами в мастерской, объясняя свои задержки срочным заказом. Полина чувствовала в нём скрытую тайну. А какую, она не понимала.

И вот сейчас, сидя под коровой, в голове у Полины пронеслась вся её короткая с Мишкой жизнь. Она вспомнила, как однажды поздним вечером пошла в мастерскую, а Мишки там не было. Странно, но потом он отбрехался, что курил с дедом Семёном на лавочке и подзадержался. Пока это с дедом все дела переговоришь. А если вспомнить службу в танковых войсках, то можно и до утра просидеть, пачки курева не хватит. И она поверила. А ещё он ходил точить цепь на бензопилу к соседу. Почему-то поздно вечером и тоже около часа задержался. Спрашивать у соседа – точил он эту цепь или нет, она не стала.

А вчера… Уж лучше бы не было этого вчера. Вечером, по ясным ещё сумеркам, Полина обнаружила, что в ведре с питьевой водой пусто. Выйдя на крыльцо с ведром, она окликнула Мишку. Он не отозвался. Полина вышла за ворота: на противоположной стороне улицы, чуть подальше от их дома, на лавочке деда Семёна было пусто. Странно… Полина вернулась во двор и пошла по тропинке вдоль кустов картошки к дальнему колодцу. Зачерпнув воды, она подняла ведро почти до половины и, взглянув в сторону Варькиного огорода, выронила его. По тропинке от Варькиного дома шёл её Мишка. Упавшее ведро с громким всплеском упало на дно колодца. Полину накрыло мелкой дрожью, и она судорожно вытерла лицо руками.

– Полин…

– Что ты у неё делал?

– Ты по воду пришла? Давай наберу.

– Я тебя спрашиваю – что ты там делал?

– К сыну своему ходил.

– Что-о? – дрожащими губами прошептала она. – К сыну?

– Да, к сыну. Не к Варьке. Пошли домой, не пугай соседей. А то, начнётся…

Мишка решительно зачерпнул воды из колодца, перелил в принесённое Полиной ведро и тяжёлым шагом пошёл к дому.

Гнетущая тишина давила не только их, но, казалось, и их домик. Уснувший Егорка мирно сопел в своей кроватке, смешно причмокивая во сне губами. Мишка поправил на нём сползшее одеяло.

– Прогнала ты меня тогда, я напился в чёрную и к Варьке. Говорю ей – Полинка выгнала совсем, пойдёшь за меня? Мне тогда всё равно было, куда и с кем. Она растерялась, говорит – неудобно, Полинка подруга моя, то да сё. Посмотрел я на неё и говорю – неужели я такой плохой, что ни одна девка жить со мной не хочет? Сдохнуть мне, что ли? Не знаю зачем, но пожалела она меня. Оставила. Поутру очухался, и вот… Как дед Степан говорит – твою же в зёрнушко.

Полина сидела на кровати с безразличным взглядом и слушала Мишкину исповедь. Даже в самом чудовищном сне она не могла представить подобное в отношении себя.

– Полин, клянусь сыном, один раз был. Варька подтвердит.

– Зачем мне её подтверждение? Живи, иди с Варькой, там сын у тебя.

– У меня здесь жена и сын. Дом. Лес вон приготовил, строиться будем.

– Ничего не хочу.

– А мне, что теперь прикажешь делать? Удавиться идти?

– Собирай вещи и иди к Варьке.

– Остынь до утра, после поговорим. Ложись.

Полина лежала на самом краю кровати, отодвинувшись от Мишки как можно дальше, и вытирала нахлынувшие слёзы. Устоявшаяся жизнь ломалась с громким треском, отдавая в груди задыхающейся болью. Мишка встал, открыл пошире окно и прикурил сигарету. В ночной тишине заливисто кричали сверчки.

– Полин… Я никогда не говорил тебе… Люблю я тебя до боли в груди. И никто мне больше не нужен. Поверь и прости.

– Не кури в дом, дым сюда несёт. Ребёнок у нас.

Затушив сигарету об угол окна, он вернулся в кровать. Посопев немного на своём краю, он шумно придвинулся к ней и обнял. Полина не сопротивлялась, не было сил.

– Что дитё? Оно не виновато, что родилось. Пусть растёт, – Мишка вздохнул и повернул её к себе. – Давай помиримся. И всё. Жить будем. Я сдохну без тебя.

Как Варька услышала об их ссоре с Мишкой, она не знала. Может Мишка сам сказал. Только по утру, проводив корову в стадо, Варька прибежала к ней огородами и взмолилась:

– Полина, родненькая моя… Ну, прости его. Он ведь сам пришел, слова сказать не может – такой пьяный. Говорит, что разругался с тобой. Говорит – пойдешь за меня замуж. Я и растерялась.

– Так растерялась, что в постель затащила? Варь, ты не прибежала ко мне, не стала мирить нас. Ты просто воспользовалась пьяным мужиком. Ты довела всё до ребёнка. Зачем? В надежде, что он к тебе вернётся? Так забери его, если сможешь.

– А за кого мне замуж идти? – теперь уже зло спросила Варька. – За Ваську долговязого? Или за Костю, который мне по пуп?

– А при чём здесь Мишка мой? Или мужика в нём почуяла? Так забирай! Штаны вынести?

– А это он сам пусть решает. Поровну мы с тобой, у обоих его сыновья.

– Ах, поровну? – Полина зло взглянула на вошедшего в калитку мужа. – Пошла вон отсюда. И чтобы ноги твоей больше в этом доме не было.

– Зачем ты, Варька, пришла? Мы сами решим свои семейные дела. Иди, – Мишка почти на руках занёс разгневанную Полину в дом и закрыл двери.

– А ты? Как ты мог? – прошипела Полина в воспалённые от бессонной ночи Мишкины глаза. – Как? Зачем она прибежала виниться?

И она в отчаянии стала хлестать его по щекам, бить кулаками в грудь. А он стоял перед ней и не сопротивлялся. Позволив ей выпустить пар, Мишка сгрёб её, обессилившую и повисшую у него на руках, и усадил на кровать.

– Всё, Миша. Не могу больше. Уходи, дай мне покоя.

– А разве со мной ты беспокойно жила? Я же ни разу тебя не обидел. Ничем.

– Это ли не обида – дитё на стороне.

– Не руби по живому. Тут, – Мишка постучал по груди кулаком, – и так рубцов хватает.

В доме повисло тяжёлое молчание: Полина думала о своём, Мишка – о своём. И только небольшие часики на стене монотонно и мирно отстукивали им время.

– Ну, чего молчать-то? Крайнее твоё слово. Будем жить дальше?

– Миша, – Полина поперхнулась от невысказанных слов. – Как я теперь с тобой жить буду?

– Вчера же жили, спали вместе. Вроде хорошо всё решилось. Что сегодня-то случилось?

– А всё… Перегорела я, Миша. Вчера ещё бушевало во мне, а сегодня пустая.

– Я наполню. Ты же добрая, Полин. В ногах мне, твоих валяться? Так я не гордый, встану на коленки.

– А как мне людям в глаза теперь смотреть? Скажут – вот какая тетеря, он гуляет на стороне, а она прощает ему.

– Людей, значит, слушаешь, а мужа своего услышать не хочешь. Если бы тогда не прогнала, так и не было бы ничего с Варькой.

– Да? Выходит, что это я во всём виновата? – в кроватке заплакал Егорка и Полина взяла его на руки.

– Кто тебя винит. Давай я покачаю.

– Вот иди и Варькиного качай, – хлестанула она больными словами.

– Уйти?

– Иди.

Мишка вытер ладошками вспотевшее лицо и, громко хлопнув дверью, вышел из дома. Зажав рот рукой, Полина прижала к себе Егорку и тихо заскулила.

– Ничего, – прошептала она. – Перебесишься и спать придёшь.

Мишка не пришёл. К ночи, купая Егорку и укладывая его спать, Полина с ужасом думала, что сама, своей безумной дурью, прогнала мужа из дома. Он ведь правда хороший: и Егорку помогал купать, и укачивал его, пока она стирала пелёнки, и воду потом выносил. Да и спать одной… Полина легла в опустевшую постель и разревелась.

– А вдруг он сейчас и правда, у Варьки? Выходит, что Варька будет жить с её мужем, а они с Егоркой так и будут одни. Нет-нет… Я же знаю, Мишка не поступит так. Может, загулял? Может, пропьётся и придёт?

Мишка не пришёл. Ни ночью, ни утром. Не появился он и днём. Если бы он был у родителей, то его мать обязательно прибежала бы мирить их. Но и матери тоже не было. И чем длиннее длился день, тем тревожнее становилось на душе у Полины. Она даже перекрестилась у иконы:

– Господи, пусть всё будет хорошо. Пусть он вернётся домой.

К вечеру Полина не выдержала и сбегала до деда Семёна, сидевшего как всегда у дома на скамейке.

– Дед Семён, ты Мишку не видел? Как вчера ушёл, так до сих пор нету.

– Так это… Надо у Васьки спросить. Они вчера с ним пили. Подходили ишшо, посидели со мной на лавке, не спалось мне. Покурили, поговорили, и оне дальше куда-то пошли. Иди до Васьки. Поди-ка нажрались и спят, слюнями булькают.

– Хорошо, – кивнула Полина деду и направилась в сторону Васькиного дома.

– Полинка, – окликнул её дед. – А чё он загулял-то? Давно энтих приключениев с ним не было.

Полина в спешке махнула на деда рукой и прибавила шаг чуть не до бега. Идти надо было через свой огород на другую улицу и чуть наискосок от Варькиного дома. Она с ужасом подумала, что может встретить Мишку в Варькиной ограде, и представила, как носит он сейчас на руках Варькиного сына.

Васька был дома и колол дрова. Забежав к нему во двор, запыхавшаяся Полина чуть отдышавшись, спросила:

– Вась, ты Мишку не видел? Дед говорит, что пили вы вчера с ним.

– Так это… Он в третьем часу домой пошёл. Сказал, что поругались вы. Мириться, говорит, пойду. Говорит – пьяный я её пуще уговорю, не отвертится. Плакал ещё, что любит тебя и Егорку больше жизни. Много чего говорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.